

- Gourgaud 1825** – Gourgaud G. Napoléon et la Grande Armée en Russie, ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur. P., 1825.
- Lieven 2010** – Lieven D. The True Story of the Campaigns of War and Peace. L., 2010.
- Marbot 1891** – Mémoires du général baron de Marbot. P.: Plon, 1891. T. 3.
- Ségur 1824** – Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et la Grande Armée pendant l'année 1812. P., 1824. T. 1-2.
- Ségur 1825** – Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et la Grande Armée pendant l'année 1812. 4-ème éd. Paris; Bruxelles, 1825. T. 1.
- Six 1934** – Six G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792-1814). P., 1934. T. 1.
- Troisième bulletin** – Troisième bulletin. Kowno, 26 juin 1812 // Bulletins officiels de la Grande Armée. Campagne de Russie et de Saxe. P., 1821.
- Vandal 1893** – Vandal A. Napoléon et Alexandre I-er. P., 1893. T. 3.
- Zalusky 1860** – Zalusky J. Wspomenia o pulku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona I. Kraków, 1860.

V. N. Zemtsov

**«FORTY BARRELS of PRISONERS...», OR the STORY OF HOW
L. N. TOLSTOY RECESSED FOUR DOZEN POLISH LANCERS**

The article investigates the true circumstances of the episode associated with the beginning of the invasion of Napoleon's army in Russia and described by L. N. Tolstoy's novel «War and peace», namely the death of the Polish lancers in the crossing of the river Viliya. The author identifies the materials used by L. N. Tolstoy and makes the conclusion about the inconsistency of historical sources, designed to recreate a true picture of the events.

Keywords: L. N. Tolstoy's «War and peace», L. N. Tolstoy and history, history and historical fiction, the historical inconsistency of the source.

Код ВАК 07.00.09

В.Д. Камынин

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭПОХУ
ПОСТМОДЕРНА**

В статье рассматриваются новые подходы, появившиеся в решении теоретических вопросов историографической науки на рубеже XX – XXI столетий. Делается вывод о факторах, приведших к обострению дискурса по ключевым понятиям исторической науки. Показано, как это сказывается на современных диссертационных исследованиях по историографии.

Ключевые слова: историографическая наука, объект, предмет, историографический источник, историографический факт, дискурс.

Условия, в которых развивается современная историографическая наука, ученые называют историей «постмодерна». Пытаясь разобраться в сути этой эпохи, тех требованиях, которые она предъявляет к историографии, многие авторы¹³⁵ сходятся в том, что понятие «постмодерн» подразумевает «некую реакцию на предшествующий длительный этап если не всемирной, то по крайней мере европейской истории»¹³⁶, для которого были характерны глобальные историко-теоретические построения. В то же время они серьезно расходятся в понимании существенных черт этого периода и их влиянии на историографические исследования.

Несмотря на утверждение голландского исследователя профессора интеллектуальной истории и исторической теории в университете Гронингена Ф. Анкерсмита о том, что историография в том виде, в каком она сейчас существует, представляется исследователям безупречным, хотя и довольно своеобразным видом научного знания¹³⁷, ученые подчеркивают, что постмодернистская концепция данной научной дисциплины значительно отличается от классической.

С того момента, как «исторический процесс, создав авторефлексию и исторические науки, возвел эту авторефлексию в степень, породив историю исторических наук»¹³⁸, ведутся постоянные дискуссии об историографии в целом, ее предмете, задачам, выполняемым функциям, месте среди других исторических дисциплин.

Говоря о чертах современного этапа развития историографических исследований, хотелось бы обратить внимание на резкое возрастание роли историографии в научном познании. По мнению современных ученых, актуальность историографических исследований в настоящее время «поддерживается как динамично

Камынин Владимир Дмитриевич – Россия, Екатеринбург, Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт социальных и политических наук, департамент международных отношений, профессор кафедры теории и истории международных отношений, доктор исторических наук, kamyninv@yandex.ru, пр. Ленина, 51, раб.тел. 350-75-43; дом. тел. 267-01-62

Kamynin Vladimir Dmitrievich – Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Institute of social and political Sciences, international relations Department, Professor of the Department of theory and history of international relations, doctor of historical Sciences, kamyninv@yandex.ru, PR Lenina, 51, a servant. phone 350-75-43; the house. phone 267-01-62

¹³⁵ См.: Анкерсмит 1996; Свешников 1998; Кравцов 2000; и др.

¹³⁶ Румянцева 2002: 17.

¹³⁷ См.: Анкерсмит 2003.: 20.

¹³⁸ Муравьев 1999: 20.

обновляющимся историческим контекстом, не иссякающим потоком историографических источников, так и укорененными в социуме причинами переписывания истории»¹³⁹.

В то же время, характеризуя особенности нынешнего этапа развития историографических исследований, нельзя не отметить, что историография оказалась перед лицом серьезных вызовов.

Суть первого вызова состоит в том, что историография, как неотъемлемая часть исторической науки, испытала воздействие произошедшей в ней «методологической революции». Это привело к тому, что наряду с классическим пониманием предмета, задач и основных категорий историографических исследований, появилась новая их трактовка, основанная на использовании методологии интеллектуальной истории.

Второй вызов заключается в том, что хотя ученые-историки понимают, что представление об историческом процессе не тождественно реальному историческому процессу, но многие из них сохраняют веру и надежду на объективное и адекватное познание исторического процесса или считают свое представление единственно научным. Именно эта часть ученых всегда рассматривала и до сих пор воспринимает историографию как одну из многочисленных вспомогательных исторических дисциплин, главной функцией которой является обеспечение историков знаниями об их предшественниках в изучении той или иной конкретной исторической проблемы. Они настаивают на том, что у историографии не может быть собственного предмета изучения, ибо историографические исследования не реконструируют прошлое, а конструируют его.

Н.В. Иллерицкая пишет по этому поводу: «Но это (конструирование – В.К.) не означает произвола историка по отношению к прошлому, так как конструирование осуществляется в жестких рамках, ограниченных объективно существующими свидетельствами, интерпретация которых зависит от историка и несет на себе печать времени. Основываясь на этом, можно утверждать, что историческое видение вырастает не из фактов. Теории изобретаются в мышлении и затем, подобно сетям, забрасываются в океан событий, и то, что попадет в ячейки (а это зависит от мощности теории), и будет фактом науки. Историю всегда пишет человек, а он в принципе не может дать перечень "чистых", свободных от теоретической интерпретации фактов. Значит, теорий будет столько, сколько имеется концепций, сквозь призму которых происходит явная и неявная оценка фактов, а, следовательно, и их отбор». Говоря о современных историографических исследованиях, она подчеркивает: «Все вышесказанное полностью относится к историографическому

¹³⁹ Трофимов., Иванов, Плойко 2014: 279.

исследованию. Только историограф конструирует совершенно осознанно, всегда руководствуясь известной ему теорией, и отбор историографических фактов осуществляет, опираясь на нее»¹⁴⁰.

Следует обратить внимание также и на излишнюю ревность ученых-историков к слишком бурному развитию историографических исследований в ущерб, по их мнению, исследованиям историческим. Они пытаются навязать историографам постмодернистские трактовки основных понятий и категорий этой дисциплины, которые выхолащивают из них всякий научный смысл. Так, С.В. Кондратьев предлагает свое определение предмета историографических исследований. Он пишет, что «слово "предмет" специально было изобретено в старину учеными книжниками для перевода латинского "objectus". Оба они означают нечто, расположенное впереди, т.е. в нашем случае то, на что направлено внимание субъекта. Позднее "предмет" переместился из церковнославянского языка в русский»¹⁴¹. Не следует даже комментировать это высказывание. Тем не менее, Г.С. Криницкая объясняет его появление методологической анархией, связанной «с кризисом познавательного потенциала формационной теории» и переходом «к различным направлениям постмодернизма или "нового историзма", определяемого как лингвистический поворот в истории, при котором игнорируется приоритет систематически формализованного понятийного аппарата логики»¹⁴².

Наконец, существуют совершенно объективные факторы, оказывающие влияние на повышенную требовательность исторической общественности к историографии. Они заключаются в том, что историография одновременно выступает в качестве научной дисциплины, выполняя научно-информационную, коммуникативную функцию, и в качестве учебной дисциплины, что заставляет специалистов в этой области научных знаний заботиться о выполнении ею потребностей университетского преподавания. К тому же мы наблюдаем своеобразный «бум» диссертационных исследований, что повышает разноголосицу в трактовке теоретических вопросов историографии.

Обозначенные выше вызовы настоятельно требуют, чтобы историографическая наука, как любая другая научная и учебная дисциплина, обладала бы четко очерченным понятийным аппаратом. Другими словами, историография должна соответствовать требованиям *строгой науки* (выражение О.М. Медушевой). Это могло бы способствовать не только развитию самой науки, но и преподаванию историографии. Однако мы должны учитывать

¹⁴⁰ Иллерицкая 1998: 13.

¹⁴¹ Кондратьев 2005: 194.

¹⁴² Криницкая 2001: 3 – 4.

дифференциацию историографов, которая не позволяет надеяться на появление единой точки зрения на системообразующие дефиниции данной научной дисциплины.

В сегодняшнем историографическом пространстве реально оппонируют друг другу два научных направления, представленные двумя научными школами, различающимися в понимании основных категорий: науковедческое («сциентическое») и «социокультурное».

Понимание историографии как истории исторической науки характерно для «уральской историографической школы», созданной профессором О.А. Васьюковским в Уральском государственном университете им. А.М. Горького в 1980-е гг.¹⁴³ Такое определение предмета историографии опирается на длительную традицию, накопленную, в частности, научной школой историографов Московского государственного историко-архивного института (Н.Л. Рубинштейн, В.Е. Иллерицкий, И.А. Кудрявцев, В.А. Муравьев и др.), оказавшей самое серьезное влияние на формирование «уральской историографической школы». Особое внимание ее представители уделяют изучению организации научных исследований, то есть институциональных, методологических, источниковедческих основ развития исторической науки на ее отдельных этапах. Приоритетным жанром для них является проведение проблемных исследований.

Это отнюдь не означает, что данное направление историографических исследований игнорирует изучение личности историка. Недаром сторонники «социокультурного» понимания предмета историографии ищут в «сциентической» советской историографии предшественников для современного историографа, «ориентированного на новые методологические стратегии»¹⁴⁴ и находят в ней некие «положительные тенденции» «на фоне идеологически заданной трактовки того времени истории исторической мысли»¹⁴⁵.

Омская школа историографов начала складываться в конце 1990-х гг. Ее возглавила профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского В.П. Корзун, которая на фоне антропологического поворота, происходившего на рубеже XX – XXI вв. в науке, поставила цель вернуть «человека» в историю исторической науки и показать ученого-историка в процессе творчества и жизненных перипетий.

Большое влияние на формирование теоретических представлений этой школы историографов оказали идеи, разработанные Л.П. Репиной и другими российскими учеными,

¹⁴³ См.: Камынин, Цыпина 2004.

¹⁴⁴ Алеврас 2010: 178.

¹⁴⁵ Там же: 177.

работающими в русле интеллектуальной истории¹⁴⁶, для которых характерен интерес не только к готовому продукту – результату человеческой деятельности, но и к истории самой этой деятельности, культурной среде, задающей ей свои условия и предпосылки, биографиям самих творцов, их межличностным связям, процессу распространения и восприятия новых идей и связей¹⁴⁷.

С.П. Бычков и В.П. Корзун полагают, что функции историографии «не сводятся исключительно к фиксации или проявлению по аналогии с фотографией текущего процесса историописания, она сама разворачивается как интеллектуальная история. И в этом качестве историография отражает в себе указанные новации гуманитаристики»¹⁴⁸.

Подход к историографии как к *строгой науке* проявляется прежде всего в разведении содержания основных понятий, которые используют ученые: историографический источник и историографический факт, которые, по признанию современных историографов, «относятся к числу важнейших в историографии»¹⁴⁹.

В современной литературе можно встретить различные определения историографического источника. Основательный анализ современных подходов к определению данного понятия провел С.И. Маловичко, обратившись к фундаментальной разработке источниковедения историографии, предлагая рассматривать и его как *строгую науку*¹⁵⁰.

Нам хочется заострить внимание на том, что современные авторы воспроизводят те же самые дискуссии о понятии историографический источник, которые были характерны для предшествующего этапа развития историографии. Эти определения различаются лишь по объему («узкое» или «широкое»).

Позиции обозначенных нами научных историографических школ в определении понятия историографический источник и их систематизации схожи. В «научоведческой» историографии основные историографические источники (труды ученых) делятся по жанрам: монографии, статьи, тезисы выступлений на научных конференциях, диссертации, рецензии и т. д. Ее представители в разряд вспомогательных историографических источников включают исторические источники, раскрывающие организацию научных исследований: документы по руководству исторической наукой, протоколы съездов историков, конференций, симпозиумов,

¹⁴⁶ См.: Репина, Зверева, Парамонова 2004; Репина 2001; и др.

¹⁴⁷ См.: Репина 2001: 103.

¹⁴⁸ Бычков, Корзун 2001: 5.

¹⁴⁹ Клименко 2003: 22.

¹⁵⁰ См.: Маловичко 2012: 114 – 117.

стенограммы дискуссий, документы научных учреждений и т. п. В.П. Корзун выделяет главные историографические источники (научную продукцию), или так называемую «опорную группу» источников, и группу вспомогательных, т. е. традиционных исторических источников, воссоздающих атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественно-политические взгляды, ценностные ориентиры, особенности его натуры. Она подчеркивает, что среди источников, воссоздающих атмосферу творчества, особенности жизни и натуры историков, доминируют источники личного происхождения: мемуары и переписка¹⁵¹.

Основной дискурс в современной историографии происходит вокруг позиции, занятой в свое время С.О. Шмидтом, о единстве, совпадении, с одной стороны, историографического источника и историографического факта, с другой стороны, о тождестве историографического источника и исторического источника, несущего информацию по истории науки¹⁵².

Некоторые авторы разделяют позицию С.О. Шмидта в отношении историографического источника. Г.М. Ипполитов пишет: «Понятно, что в дефиниции С.О. Шмидта мы видим самое общее определение содержания категории «историографический источник». Но в нем схвачена главная суть»¹⁵³.

В переписке с С.И. Маловичко Н.Н. Алеврас на основании подхода С.О. Шмидта предлагает вообще отказаться от термина историографический источник. По ее словам, «многообразие результатов творческой и научной деятельности, частной и общественной жизни ученого любой научной области, и историка в частности, входит в общий корпус интеллектуальных продуктов, выработанных человечеством. Представляя феномены интеллектуальной жизни научного сообщества с присущими им социокультурными функциями, они при соответствующей ситуации в науке могут выступить в роли источников по изучению истории историографии. Информационную базу историограф формирует из общей "копилки" интеллектуальных продуктов (своеобразных протоисточников), которой пользуется все корпоративное сообщество историков, а шире – гуманитариев»¹⁵⁴.

С.И. Маловичко категорически не согласен с позицией С.О. Шмидта. По его словам, определение С.О. Шмидта «если и может отвечать потребностям дальнейшего изучения "историографических фактов" или событий в исторической науке (так как здесь

¹⁵¹ Корзун 2000: 22, 23.

¹⁵² Шмидт 1965.

¹⁵³ Ипполитов 2013: 189.

¹⁵⁴ Маловичко.

задействуются не только историографические, но собственно исторические источники иных видов, которые профессиональному историку все-таки необходимо различать), то совершенно не способствует превращению источниковедения историографии в строгое научное поле современной исторической науки»¹⁵⁵. Мы разделяем позицию С.И. Маловичко и считаем, что постмодернистская попытка вообще избавиться от одного из ключевых понятий историографической науки приводит лишь к тому, что у начинающего ученого создается впечатление о расплывчатости, неопределенности категориального аппарата историографии как научной дисциплины.

На фоне бурных дискуссий, которые происходили в советское время о содержании понятия «историографический факт», современные ученые меньше рассуждают о нем. По нашему мнению, эта дефиниция нужна историографической науке для того, чтобы разглядеть конечный продукт деятельности историка. Наше утверждение о том, что под «историографическим фактом» следует понимать концепцию историка, высказанную им в одном или нескольких историографических источниках, вышедших из под его пера, С.И. Маловичко посчитал «избыточным» и резюмировал: «Мне представляется, что концепцию или гипотезу историка лучше так и называть – концепцией или гипотезой»¹⁵⁶.

Тем не менее, мы настаиваем на том, что именно наше понимание содержания термина «историографический факт» позволяет не сводить историографию к истории исторической мысли, ибо задачи, которые решает историограф в своем исследовании, гораздо шире. Он изучает не только историографические факты (концепции ученых), но и историографические источники (опубликованные и неопубликованные труды ученых), а также организацию научных исследований в области истории. Таким образом, историография по-прежнему остается историей исторической науки.

Ученые, стоящие на позициях интеллектуальной истории, вносят большой вклад в обновление тезауруса современной историографии. Их усилиями с середины 1990-х гг. стали вводиться в научный оборот такие новые категории, как «образ науки», «историографический быт», «культурное гнездо», «социокультурная традиция», «интеллектуальный ландшафт», «интеллектуальный дискурс» и др. Многие из них давно использовались в отечественном и зарубежном науковедении, и применение их в современной историографии стало следствием развития междисциплинарности.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Маловичко 2012: 15.

Эти и другие категории, позаимствованные из литературоведения, культурологии, философии, социологии и других дисциплин, только апробируются в практике современных историографических исследований. Следует отметить, что концепты многих из них и в своих дисциплинах являются предметом научного дискурса. Можно согласиться с мнением В.А. Муравьева, который обращал внимание на то, что новое понимание историографии пока «не повлекло соучастия в историческом синтезе, соответствующем ее значимости». По его словам, «ни национальное историческое самосознание, ни исторический образ собственной страны (историческая самоидентификация), ни система исторических представлений об окружающем мире, образ стран и народов этого мира ("историческая имагология") пока не стали сколько-нибудь существенным элементом общих представлений об отечественной истории и культуре»¹⁵⁷.

С.О. Шмидт, учитывая острые дискуссии о предмете историографии, поставил вопрос об объекте изучения этой научной дисциплины. Объектом историографического исследования он считал историографический факт¹⁵⁸. Вопрос об объекте историографического исследования, поставленный С.О. Шмидтом, не обсуждался до тех пор, пока его не актуализировали современные диссертационные исследования по историографии. Согласно канонам любого диссертационного исследования, автор при обосновании проблемы должен охарактеризовать не только цель, задачи, территориальные и хронологические рамки, но и предмет, и объект изучения.

В современной науке имеется немало приверженцев точки зрения С.О. Шмидта, который объектом историографического исследования считал историографический факт. С.П. Исачкин под объектом своего исследования понимает «концепции социал-демократического движения Сибири, выдвинутые в советский период отечественной историографии»¹⁵⁹. В.Б. Шепелева пишет: «Исходя из наметившейся к настоящему времени историографической ситуации по теме объектная область предлагаемого исследования обозначена как представления отечественной гуманитаристики об истоках, сущности и судьбах феномена «советская эпоха» в отечественной и мировой истории»¹⁶⁰. По словам С.В. Рыбакова, объектом его исследования является «православная интерпретация исторического

¹⁵⁷ Муравьев: 22.

¹⁵⁸ См.: Шмидт 1965: 7.

¹⁵⁹ Исачкин 2004: 4.

¹⁶⁰ Шепелева 2013: 8.

процесса, рассматриваемая в динамике ее становления и развития на почве русской общественной мысли»¹⁶¹.

По нашему мнению, определение объекта историографического исследования, предложенное С.О. Шмидтом, неверно, ибо в его понимании оно гораздо уже, чем предметное поле исследования историографа. Следует согласиться с В.С. Прядиным в том, что «субъект сам выделяет из объекта предмет анализа путем ряда ограничений в соответствии с задачами, объемом, характером своей работы»¹⁶².

Анализ диссертационных исследований по историографии показывает, что определение объекта диссертационного историографического исследования совершенно по-разному трактуется представителями основных научных школ. В проблемных исследованиях под объектом понимается совокупность историографических источников по исследуемой проблеме. Омская школа историографов допускает самые разнообразные трактовки объекта историографического исследования, который определяется в зависимости от задач, поставленных в диссертации. В.П. Корзун под объектом своего исследования понимает отечественную историческую мысль конца XIX – начала XX в.¹⁶³. По словам А.В. Свешникова, объектом исследования является «профессиональное сообщество исследователей медиевистов, сформировавшееся в первой половине XX века вокруг профессора Петербургского университета и Высших женских (Бестужевских) курсов Ивана Михайловича Гревса»¹⁶⁴. Н.А. Кньш пишет, что объектом ее работы «выступает советская историческая наука в социокультурном и общественно-политическом пространстве первого послевоенного десятилетия»¹⁶⁵.

Такая же зависимость объекта исследования от задач, решаемых в диссертации, прослеживается в работах, написанных вне рамок «школьной» традиции. О.В. Богомазова объект своего исследования определяет как «корпоративную и культурную память об ученых-историках в историко-научном и культурном сообществе России XX – начала XXI в.»¹⁶⁶. По словам Н.Г. Федоровой, «объектом исследования выступает историческое знание, организованное в рамках учебно-дидактической литературы и взятое в качестве проявления социокультурных дискурсивных практик эпохи социомодернизации российского общества»¹⁶⁷.

¹⁶¹ Рыбаков 2007: 6.

¹⁶² Прядин, Тицкий 2009: 14.

¹⁶³ См.: Корзун 2002: 4.

¹⁶⁴ Свешников 2002: 15.

¹⁶⁵ Кньш 2009: 7.

¹⁶⁶ Богомазова 2013: 3.

¹⁶⁷ Федорова 2008: 4.

Нередки в современных диссертационных историографических исследованиях случаи подмены понятий. По мнению В.И. Цепиловой, «объектом диссертационного исследования является история исторической науки Русского зарубежья 1920 – 1930-х гг.». Предметом же исследования является совокупность мнений и оценок, отражающих опыт теоретико-методологического и концептуального осмысления исторической науки Русского зарубежья 1920 – 1930-х гг. в трудах отечественных и зарубежных авторов¹⁶⁸.

Факторы, влияющие на разногласицу в понимании объекта современного диссертационного историографического исследования, различны. К ним можно отнести отсутствие «школьной» традиции; формальное выполнение требований к теоретической части диссертации; слабое знакомство диссертантов с литературой, к которой осмысливаются теоретические проблемы современных историографических исследований. Однако ее главной причиной является дискурс в современной историографической науке по теоретическим вопросам.

Список источников и литературы

- Алеврас 2010** – Алеврас Н.Н. Предмет историографии: версии современной науки // IMAGINESMUNDI. Альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. № 7. Интеллектуальная история. Екатеринбург, 2010. Вып. 4.
- Анкерсмит 1996** – Анкерсмит Ф.Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.
- Анкерсмит 2003** – Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М., 2003.
- Богомазова 2013** – Богомазова О.В. В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX – начале XXI в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2013.
- Бычков, Корзун 2001** – Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Учебное пособие. Омск, 2001.
- Иллерицкая 1998** – Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. М., 1998.
- Ипполитов 2013** – Ипполитов Г.М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1.

¹⁶⁸ Цепилова 2010: 4.

- Исачкин 2004** – Исачкин С.П. Историография сибирской социал-демократии 1907 – 1917 гг.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Омск, 2004.
- Камынин, Цыпина 2004** – Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Уральская историографическая школа // Известия Урал.ун-та. 2004. № 29. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 15.
- Клименко 2003** – Клименко А.В. Предмет и задачи историографии // Историография истории России до 1917 года. В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003. Т. 1.
- Кныш 2009** – Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 2009.
- Кондратьев 2005** – Кондратьев С.В. Историографомания // Европа: Международный альманах. Тюмень. 2005. Вып. V.
- Корзун 2000** – Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. Екатеринбург; Омск, 2000.
- Корзун 2002** – Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии на рубеже XIX – XX вв.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002.
- Кравцов 2000** –Кравцов В.Н.Российская историография постмодернизма // Россия в новое время: единство и многообразие исторического развития: Мат. всеросс. межвуз. науч. конф. М., 2000.
- Криницкая 2001** – Криницкая Г.С. Историческая концепция Б.Н. Чичерина. Томск, 2001.
- Маловичко** – Маловичко С.И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии // URL: http://ivid.iso.z.ru/publ/medushevskaja_90/om_malovichko/15-1-0-130 (дата обращения 17.01.13)
- Маловичко М., 2012**– МаловичкоС.И. Источниковедение историографии с точки зрения Научно-педагогической школы источниковедения // Историческая наука и образование в России и на Западе: Судьба историков и научных школ. М., 2012.
- Маловичко Ставрополь, 2012** – Маловичко С.И. Источниковедение историографии как инструмент для изучения профессиональной исторической культуры // Ставропольский альманах российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2012. Вып. 13.
- Муравьев 1999** – Муравьев В.А. История, исторический источник, историография, история исторического познания (размышления о смысле современных историографических исследований) //

Рубеж истории: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999.

- Прядин, Тицкий 2009** – Прядин В.С., Тицкий Н.А. О предмете исследования в диссертационной работе по историографии (в помощь аспирантам и соискателям) // Учен.зап. Нижнетагильской социально-экономической академии. Общие научные. Нижний Тагил, 2009.
- Репина 2001** – Репина Л.П. От истории идей к интеллектуальной истории (Аналитический обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сборник обзоров и рефератов: В 2 ч. М., 2001. Ч. 2.
- Репина, Зверева, Парамонова 2004** – Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004
- Румянцева 2002** – Румянцева М.Ф. Теория истории. Учеб.пособие. М., 2002.
- Рыбаков 2007** – Рыбаков С.В. Православная интерпретация русской истории в отечественной историографии: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007.
- Свешников 1998** – Свешников А.В. Постмодернизм в современной российской историографии // Европа в контексте Запада и Востока в новое и новейшее время: Мат. межвуз. науч. конф. Екатеринбург, 1998
- Свешников 2002** – Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Историко-антропологическое исследование научного сообщества: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002.
- Трофимов, Иванов, Плюйко 2014** – Трофимов А.В., Иванов А.В., Плюйко Д.В. Конфликтность и толерантность в российском обществе в годы Гражданской войны (на примере Урала и Сибири): историографическое осмысление. Екатеринбург, 2014.
- Федорова 2008** – Федорова Н.Г. Школьный учебник по истории средних веков в дискурсивном пространстве российского общества (вторая четверть XIX – начало XX вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2008.
- Цепилова 2010** – Цепилова В.И. Историческая наука Русского зарубежья 1920–1930-х годов в отечественной и зарубежной историографии: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010.
- Шепелева 2013** – Шепелева В.Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917 – 1920 гг. (вопросы теории, методологии, историографии): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Тюмень, 2013.

Шмидт 1965 –Шмидт С.О.О методике выявления и изучения материалов по истории исторической науки // Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та. 1965. № 22.

Vladimir D. Kamynin

HISTORIOGRAPHICAL RESEARCH IN THE POSTMODERN ERA

The article discusses the new approaches that have emerged in the theoretical problems of historiography of science at the turn of XX – XXI centuries. The conclusion about the factors that led to the aggravation of the scientific debate on key concepts. Shows his influence on modern dissertation research on the historiography.

Key words: historiographical science, object, subject, historiographical source historiographical fact, discourse.

Код ВАК 07.00.03; 07.00.09

Л. В. Коробицына

СОЦИОИСТОРИЗМ И ЕГО КРИТИКА А.ДЖ.П. ТЕЙЛОРОМ

Статья посвящена развитию социоисторизма в английской исторической науке 1960-х гг. и его критике со стороны британского ученого середины XX в. А.Дж.П. Тейлора, представлявшего так называемую «школу скептиков». Автор выявляет особенности методологических взглядов Тейлора на основе анализа его ключевых работ.

Ключевые слова: социоисторизм, междисциплинарность, «школа скептиков», А.Дж.П. Тейлор, методология.

Во второй половине XX в. вопросы междисциплинарности приобретают особое звучание в английской научной среде в связи с так называемым «кризисом историзма», произошедшим вследствие активного развития постмодернистских тенденций в исторической науке. В 1960–70-е гг. оформляется группа ученых, выступающих за поиск «нового пути» изучения прошлого. Они видели решение проблемы в сближении истории с социологией и полагали, что заимствование социологических методов укрепит научную основу исторического познания.

Первыми английскими учеными, предложившими концепцию социоисторизма, были Дж. Барраклаф и Э. Карр¹⁶⁹. Проведя анализ

Коробицына Луиза Владимировна, аспирант Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Korobitsina Luisa, student of Ural State Pedagogical University, (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 336-14-55. Электронная почта/E-mail: louisa_vlad@mail.ru.